

"Достоевский за рулеткой"

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Художественное произведение есть как бы космос, мир самодовлеющий, замкнутый в себе, целостный в своем разнообразии: мир, устроенный, организованный из первобытного хаоса чувств и мыслей, возникающих и мятущихся в душе художника. Чем совершенней художественное произведение, тем стройней, завершенней космос, тем глубже скрыты от нас те бурные стихийные процессы, в результате которых он образовался. Однако ж, для нас возникает тем больший соблазн -- проникнуть в эти процессы, подсмотреть и подслушать, как именно совершилось устройство данного космоса.

Тут нам нередко приходит на помощь счастливый случай: мы находим наброски, записи, черновики поэмы или романа. Такие документы в той или иной степени приоткрывают нам тайны художественного мироздания.

Широко распространено мнение, будто изучение черновиков потому полезно, что по ним можно учиться, "как надо писать". Конечно, мнение это отчасти справедливо, но разве лишь в слабой степени. Каждое произведение искусства есть мир, управляемый своими, почти только в нем существующими и почти только для него одного созданными законами. Для писания, то есть для создания других, смежных миров, каждый раз должно создавать новые законы, творить из ничего и обуздывать хаос, -- иными словами, совершать чудо. В этом смысле каждое произведение искусства и есть чудо. Можно подсмотреть, как оно совершается, -- но научиться чудотворству все-таки нельзя. Планы, наброски, черновики представляют для нас некоторую возможность такого подсматривания. Тем самым они нас, конечно, учат -- но не *писать* (то есть не творить чудеса), а *читать*, то есть проникать в чудотворство, при нем присутствовать. В этом-то вот подсматривании, подслушивании, в возможности хоть отчасти проникать в процесс творчества и заключается та в высшей степени волнующая нас радость, которую нам открывают черновые бумаги большого писателя. В этом-то и заключается притягательная их сила.

И все-таки рукописи открывают нам лишь вторичную стадию творчества: лишь процесс организации космоса. Они вводят нас в психологию устроителя, мастера. Первее и глубже лежит творческий процесс, гораздо более сокровенный: самое зарождение, возникновение тех элементов, из которых данному миру предстоит быть созданным. Чтобы проникнуть в этот процесс, нужно добраться до той глубины, где самая психология *мастера* возникает из психологии *человека*, где искусство зарождается из жизни.

Полностью и до последней глубины проникнуть в это зарождение мы не можем -- оно совершенно таинственно, его и сам художник в полной мере ни повторить, ни изъяснить не может. Но до известной степени оно все же становится нам доступным в тех случаях, когда мы вдруг открываем точку или ряд точек, одновременно лежащих и в плоскости творчества, и в плоскости жизни. Иными словами, -- когда можем мы проследить линию пересечения этих плоскостей. Именно этому прослеживанию первоначального творческого процесса, наблюдению над тем, как действительность становится искусством, как переживание человека преломляется в творчестве художника, служит изучение писательской биографии. В иных выражениях и по другим поводам мне случалось писать об этом уже не раз, особенно в применении к Пушкину, одному из самых "автобиографических" писателей, какие когда-либо существовали.

Леонид Гроссман, московский историк литературы, сумел полнее и, может быть, проницательнее, чем кто-либо, исследовать именно этот пласт в творчестве Достоевского. В книге "Достоевский за рулеткой", недавно изданной рижским издательством "Жизнь и Культура", Гроссману удалось очень интересно и наглядно показать, как основные темы целого ряда романов (в особенности "Преступления и наказания", "Братьев Карамазовых", "Игрока") возникли и развились в Достоевском из фактов биографических. В этом отношении книга представляет собою несомненную ценность. К сожалению, ее достоинства в значительной степени понижены тем, что Гроссман не пожелал свои наблюдения и догадки откровенно изложить в форме историко-литературного исследования, а придал им форму